

УДК 233

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-106-114

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЮТСЯ ЗВЁЗДЫ. ЗА РУБЕЖОМ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Ильин В. В.*Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, Калужский филиал
248000, г. Калуга, ул. Баженова, д. 2, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Развернуть философско-политическую модель совершенного миропорядка.**Методы.** Компаративная оценка глобальных проектов мироустройства в створе атлантистской и планетарной солидарности.**Результаты.** Рефлексия обмирщаемого Западом мирового порядка в терминах “The West against the rest” подводит к необходимости глубоких содержательных преобразований социально-политической апологии и технологии для наращивания договорной культуры, отказа от тотального соперничества в пользу перспективного сотрудничества.**Теоретическая и/или практическая значимость.** Объективная логика выживания человечества в дефицитном, ресурсно оскудевающем мире взыскует перестройки философии истории в направлении отказа от «избранности» отдельных народов и их ассоциаций с переходом на толерантную платформу «родового выживания».**Ключевые слова:** Запад, мир, совершенный общечеловеческий мировой порядок, сотрудничество, человек

WHERE THE STARS END. BEYOND HUMANITY

V. Ilyin*Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Kaluga Branch
ul. Bazhenova 2, Kaluga Region, Kaluga 248000, Russian Federation*

Abstract

Aim. To expand the philosophical and political model of a perfect world order.**Methodology.** Comparative assessment of global world order projects from the standpoint in terms of Atlanticist and planetary solidarity.**Results.** The reflection of the world order being pacified by the West in terms of “The West against the rest” leads to the need for deep meaningful transformations of socio-political apologia and technology to build up contractual culture, abandoning total rivalry in favor of promising cooperation.**Research implications.** The objective logic of mankind’s survival in a scarce, resource-impooverished world demands a restructuring of the philosophy of history in the direction of rejecting the “selectivity” of individual peoples and their associations with the transition to a tolerant platform of “generic survival”.**Keywords:** West, peace, perfect universal world order, cooperation, man

Введение

Обретение человечности, предотвращение распада субъектности... Вся постсократовская философия, преодолевая наивный физиологизм в нащупывании эвристических потенций антропологии, озабочивалась поисками крепкого самоосновного человека.

В архаичной доктрине намечались углы зрения

– Платона, введившего абстрактную логоцентричную эйдетическую трактовку homo как существа сверхчувственного;

– Антисфена-Диогена, провозглашавших образ жизни поглощённого житием по «частным надобностям» космополитичного асоциального обывателя – невыведанного homo – существа чувственного.

Дихотомия «отчуждённая сущность» – «включённое существование» в толковании характера homo инкорпорировалась из древней в современную философскую антропологию, обрела контур концептуальной альтернативы «духовное» (гуманитарная определённости) – «телесное» (плотская данность).

Территория человечности, как прежде, так и ныне, осваивается на контргалсах, что таит безусловный дефект формально узкоформатной тематизации природы «высшей сферы мироздания» в терминах то «культуры», то «натуры». Одно упирает на «пайдейю», иное на «фюсис», обрекая версификацию на досадное несообразие частичности.

Дело не исчерпывается сказанным. На поверку возвышенно-патетические и приземленно-профанные выражения стати homo – плоды завуалированной единоначально предвзятой интерпретации человека как «продукта»: апологетов «пайдейи» – социальных; апологетов «фюсис» – телесных трансмутаций. В обоих случаях центрируется наведённое преодоление: экспериментальное преобразование, порождение, возвращение.

Проекты homo novum

Парадигма устроительства, юркого преображения, зуда перемен поглотила созидание нового мира, лучшей жизни, совершенного члена общества. «Обновление человека», обрета поистине вселенский размах, овладело умами литераторов, художников, политиков, физиологов, интеллектуалов. Что случилось с затеей выведения невиданной человеческой породы от

«белокурой бестии» до homo socialisticus, хорошо известно. Стоит напомнить лишь С. Булгакова: товарищи (в том числе и приснопамятные partagenosen) кажутся мне «существами, вовсе лишёнными духа и обладающими только низшими душевными способностями, особой разновидностью дарвиновских обезьян...» [1, с. 4].

В данном пункте, представляется, со всех точек зрения уместно фиксировать упряднение человечности. Как предвещал Гораций: infelix operis summa, quia ponere totum nesciet (жалкий в итоге творец! Ни за что он создать не сумеет целого). Целостного существа и целостную картину целостного существа.

Большевики поставили вначале, по выражению Троцкого, на «коллективного человека», пределы могущества которого «определяются лишь познанием естественных сил (физикализм! – В. И.) и умением использовать их». По краху натуралистического выведения из «дарвиновской» обезьяны «просветлённого» двуногого без перьев с прогрессивным взглядом на мир (бухаринские тшания в Институте человека) акцент перенёсся на дидактику с романтически-казуистическим, филантропически-тираническим «Моральным кодексом строителя коммунизма». Насилие над человеческой статьёй и тут провалилось. Ввиду многообразных переплетающихся, впрочем, очевидных причин проект homo soveticus лопнул; наконец, выявилось: будучи архаичной общественной силой, пролетариат и его политический «авангард» – руководитель и организатор всех советских «побед» – коммунистическая партия не способны соиздать никакую социально-историческую новь¹.

В то же самое время, отрабатывая цивилизационную стратегию обработки первозданного человека in crudo, Запад избрал линию homo consumens. Индивидуалистически-нигилистический культ наживы, приобретательства, бытового комфорта, прагматической достижительности взвёлся в высшее правило жизни [3]. Как выводил Шопенгауэр, для

¹ Ильин В. В. Политология: учебник. М.: КДУ, 2018. 321 с.

злых, эгоистических лиц «между Я, ограниченным ... собственной личностью, и не-Я, охватывающим остальной мир, существует широкая пропасть, огромная разница: их принцип «*Pereat mundus, dum ego saluus sum*» (пусть погибнет мир, только бы я был цел).

Точка исчезновения человечности на Западе, таким образом, – упрочение бездуховной несолидарной атомарности. Она же и точка антигуманитарного перерождения западного общественного сознания, западной интеллектуальной корпорации.

Вся постсократовская философия в течение 25 веков искала человека, чтобы на рубеже XX–XXI вв. – в современности – обнаружить обвал, распад во все времена утверждаемых смыслов, непреходящих устоев, ценностей, с которыми, собственно, *arte magistra* она выходила на общественную площадку родового служения, адресовала сокровенную правду о человеке и гражданине *urbi et orbi*. Именно здесь, используя мысль Цвейга, начинается трагедия. Всесторонняя, всеохватная, непреодолимая, невосполнимая; – в человеке упраздняется человеческое: та духовно-нравственная основа, на которой первоисточно осуществлялось самостроительство и лица, и социума.

Рефлексивным закреплением ситуации выступает «отмена» человечности в результате провала во внегуманитарную *modernity*, которую Хабермас почему-то квалифицируют «незавершённым проектом» [8]. Напротив, не имеющий аналогов в прошлом (эпохальные скачки от Античности к Средневековью, от Средневековья к Новому времени) нынешний фазовый переход первого рода, именуемый «модерн» и характеризующийся разрушением общеродовой линии вершения истории, пролонгации существования посредством достижения согласия в главном – целях, средствах, ценностях обустройства общего планетарного дома, реализации совокупного действия, вполне последовательно расстраивающий платформу договорной кооперации единиц человечества, – однозначно обладает атрибутикой полноты,

завершённости, по степени охвата определяет все «верные положения», которые вытекают из принимаемой Западом версии наличного миропонимания.

Если последнее выставлять некоей материальной (неформальной) аксиоматикой, где смысловое значение концептов изначально задано, базовой интерпретацией утверждений окажется западная картина действительности с легислативным ядром “*The West against the rest*”, какая и будет предобуславливать как истинность, так и выводимость всех имплицитных производных.

В кругу данного семантически полного, завершённого проекта никакое общемировое согласие не желательно и не допустимо; никакое единство человечества не установимо; в современной дефицитной жизни каждый спасается самостоятельно; западный «золотой миллиард» выживает за счёт других всех.

Прагматический нигилизм по адресу общечеловеческого согласия, не оставляя камня на камне от социально-политических идеалов кооперативности (продумываемых многими – от Гоббса, Локка, Руссо, Вольтера, Гольбаха до Парка, Вирта, Ньюкома), справедливости (осмысливаемых – от Аристотеля, Бентама до Ролза), выбивает последние подпорки из-под достижения солидарного слаженного поведения, истребляет санкционную базу взаимности. Наряду с парциальностью социальной (Запад) выпячивается парциальность индивидуальная (западный человек): анонсируется свобода абсолютно самостоятельной самостийной волюнтарной субъектности. Системный нигилизм усиливается системным эгоизмом, на что в качестве болезненных продромов указывали упоминаемые нами ранее [4] западные критики Запада.

Итак, диагноз выставлен: *status evanescens* западной котерии – превращение индивида, используя слог Гегеля, в абсолютную форму, непосредственную достоверность себя самого, бытие безусловное, а с тем – тлетворная аннигиляция родовой миссии, аннуляция космического призвания человечности.

Изъяны атлантизма

Достоинство вергилиевой разрядной эмоции: *mirabile dictu*: свершаемый Западом цивилизационный марш-бросок венчается заходом «в никуда»; коллективное шествие атлантизма подвело к злоключению не преизбытка жизни, а её оскудению. Путь к материальному пресыщению оказался дорогой растратой позитивного, торжеством негативного: используя образ того же Вергилия, – снижением потолка притязаний до уклонения от восхождения к звёздам.

Тело без души. Может ли быть что-то печальнее такой антропологической ниши?! Коловращение в экзистенциально пустом топосе «4 Б» – бездуховность, беспринципность, бессмысленность, безмысленность... Воистину здесь кончаются звёзды. Только как тут жизнедействовать не до конца растраченной божьей твари, которая, по Августину, всегда выше «самого лучшего тела»?

Nos opus, hoc studium.

Не хуже пускавшего в розыск человека среди бела дня с факелом в руке Диогена поисковыми разведочными работами по обнаружению человечности, обретению субъектности занимаются западные конструкторы современного эпохального самосознания, усматривающие свою задачу в дистанцировании от просвещенческих упований на то, что сила человеческой мысли и действия будет способствовать нравственному совершенствованию, прирастанию справедливости общественных институтов, персональному счастью людей [8].

Просвещенческое и современное толкование новой цивилизационной эпохи – «модерна», отмечалось ранее, с содержательной стороны не равнообразно; отличие обусловлено конечным замыслом благоустройства гуманосферы в её вселенской или западной ипостаси [4]. Простодушные филантропы прошлого полагали благодетельствовать человечество; ушлые прагматики настоящего – его западную составляющую. «Модерн» для всех – проект не завершаемый, он содержание строи-

тельной техники *in potentia*; «модерн» для атлантизма – проект завершаемый, он содержание разорительной (неоимпериалистической) техники *in facto*.

Могут ли разные пребывать равными? Стремление быть вместе – опосредуемо ли усугублением розного? Единство в различии – достижимо ли? Это-то и составляет коллизию современного существования, обременяемого проблемой единства человечества: путь в (пускай не «светлое», но гарантийное) будущее налаживается ли совместными или несовместными усилиями? Проект модерн принимается ли в просветительском или атлантистском исполнении?

Профессиональное назначение философии – симптоматическая стереоскопия происходящего с целоеоснащением, что нам «делать с нами самими». Как верно формулирует Рорти, это – ответ на «потребность увязать всё на свете – все события, всех (! – В. И.) людей, все идеи – в некий единый контекст, который каким-то образом оказался бы естественным, предопределённым и единственно возможным»; единственно значимым для фиксации «смысла человеческой жизни», ибо в нём бытие человеческое «будет явлено в истинном свете» [6, с. 31].

Подобный, с позволения сказать, классический интеллектуальный ход отображает универсальное умонастроение традиционной социально-политической философии развёртывать эссенциалистскую картину объективной реальности самой по себе, с которой отображательно соотносятся человеческие преобразовательные устремления.

Современное неклассическое социально-философское представление сугубо ревизует принятые ранее поисковые установки. Буквально во всех частях:

- в онтологии: отменяя идею сущностной действительности как нормативного коррелята субъективных самоосуществлений, центрирует частный «интерес»;

- в гносеологии: избавляясь от признания «истинного света» явлений, прокламирует скептицизм;

– в антропологии: исключая поведенческий универсализм, провоцирует самодовлеющий релятивизм (конфликтный автаркизм).

В итоге демонтируется процессообразующее понятие «естественного» тока жизни с выверенной и более или менее точно установимой нормой «правильного, здорового, совершенного», которое (понятие) действительно конституирует интеракцию (общество, государство, лицо, их взаимосвязи), что и в теории, и на практике признавалось всеми, сторонящимися девиаций (шизоанализа, аномии) с XVI по XX столетие [2, с. 254].

С XX–XXI вв. навязывается корыстная повестка общества атлантистского модерна с вестернизированной (политически не всеобщей) инструментальной рациональностью, «аргументировано» глоболизирующей интересы Запада, устанавливаемого им недоговорного мирового порядка (МП). Прорисовывается и своеобразная злонамеренная рефлексивная динамика с этапами

– директивная рациональность: тотальное переустройство общественных отношений по началам разума; прямая калька: принципы целесообразно организованной Всевышним природы имплантируются в целесообразно организуемое человеком общество;

– кризис директивной рациональности: многочисленные турбуленции – спонтанные войны, потрясения, встряски, возмущения, отсутствие равенства, социальной справедливости, прочие катаклизмы планируемого развития навевают осознание невозможности «малого» архитектора выполнять миссию архитектора «великого»; человек не способен вырабатывать, воплощать план «разумно организованной социальности»;

– индикативная рациональность: радикальный отказ от интенсивного технологического вмешательства в естественный ток вещей: революции истинны как цели и ложны как результаты; ставка на мелиоризм, принятие установки «есть как есть», «будет как будет», – стимулировали аполо-

гию непредустановленного финализма в лице «идеального» открытого общества с либерально-рыночной демократией;

– кризис индикативной рациональности: у предела мечтаний социального прогрессизма «открытого общества» появились враги, осознавшие: основание открытости, благоустроенности «идеального» общества – закрытость, неблагоустроенность иных общественных структур, своей «отсталостью» обеспечивающих процветание избранных.

Tria juncta in uno:

– фиаско атлантистской интерпретации современной modernity как коварно-корыстного замысла вестернизации мира;

– обвал идеала социальной «открытости» (тем более на фоне а) более вирулентной пандемии в западных демократиях; б) ужесточающейся борьбы с надвиганием аллохтонов);

– кризис просвещенческой идеологии создания совершенного гражданского строя по предписаниям Ratio,

– сугубо актуализировали многозначительную концептуальную и прикладную заботу: учреждение общественного порядка во внутренней и внешней политике.

Принципиальный ответ Запада на этот вызов «заботы забот» – артикуляция монологизма и монополизма собственного глубинного государства. В самой прямолинейной и парадоксалистской форме принимается (антидемократически-антилиберальный) этатизм, под фирмой скрытой полномочной субъектности наделяемый едва не абсолютной властью. К стилиеобразующим атрибутам вестерна эгоизму-нигилизму присовокупляется этатизм-абсолютизм. Оформляется беспрецедентная тетрадная конфигурация, скрепляющая социальную тотальность Запада.

Не теизм, не секулярность; не вера, не безверие; не знание, не невежество выступают орудием упорядочения западного образа жизни; им оказывается патерналистский ресурс *deep state* (тормозящий, к слову, участников нынешней президентской гонки в США как от республиканской, так и демократической партии).

Безликая, безличная государственная машина – она, по выражению Токвиля, не составляя наследственного достояния какой-либо фамилии, «исходит от совокупности (! – В. И.), представляет всех», подчиняет права лица «общей воле» [7, с. 134].

Итак, в делах внутренних – патернализм. В делах внешних, используя фигуру Ницше, – перpektивизм, истолковывающий реальность как антагонистическое пространство конфликтных интересов, частных незаконных, но самоценных воле к власти, конституирующих мир в горизонте «перспектив мира» [5].

Герменевтическая стратегия мировосприятия в терминах «своевольности» обретает плоть политической стратегии мировосприятия в терминах «своевольности овладения миром». Ввиду присвоенного Западом самому себе монопольного права на аутентичность предлагаемая им интерпретационная стратегия МП объявляется единственно возможной. Ведь если мир есть модус (перспективной) точки зрения, он является предметом в неё вовлечения; иначе говоря, – порабощения.

Концептуальный перспективизм прагматически удостоверяет атлантический авантюризм, захватничество в зависимости от детерминирующих взгляды на мир конъюнктурных потребностей («потребности, – высказывает Ницше, – вот что истолковывает мир»). В полном согласии с ницшеанской методологией Запад создаёт тот мир, как он выглядит («должен быть») с западного угла зрения (с эпистемологических позиций перед нами легализуемый уже постмодернизмом стандартный «плюрализм интерпретаций»; между тем, принимая во внимание сверхумозрительный контур далеко не безобидных политических и военно-технических экзерциций, дело получает одиозный привкус деятельности безответственности).

В переделке Западом на свой лад общечеловеческих ценностей вкупе с насильственным монологическим их обмирщением пробивается ли звёздный свет надежды? Что делать незападной конгрегации «всех» – исключаемому из числа при-

вилегированных цивилизационному “the rest”? Во время оно Ницше, развязывая ресурс человеческой креативности, призывал к неуёмному миротворчеству [5, с. 276]. Но по каким лекалам?

Отбирая последнее, мы вновь отступаем на исходные рубежи развилочного состояния: универсальный проект модерн Просвещения – парциальный проект modernity вестерна (выбывающийся из данной «духовно-практической» альтернативы ницшеанский проект волюнтарного креативизма, выпадающий из обоймы рационально удостоверяемых проектов, весьма точно квалифицируется как конгломерат мифологически выраженных вычурных идей, представляющих «иное» ratio [9]).

Грандиозность безумия не укладывается в сознании, – высказывал Г. Уэллс. Но именно безумие сказывается в грандиозности усилий западных проектировщиков политического сознания распространить, привлекая мысль Хоркхаймера, «интеллектуальный империализм абстрактного принципа эгоизма, составляющего ядро ... либералистской идеологии» (и отмеченного выше прочего) на усиление раскола частей человечества, элиминацию рационального начала сплавивания планетарного сообщества [10, с. 26–27]. В апологии и технологии Запад разрушает самый цимес человеческого существования как обретения благотворной конкордии единства в различии, а с тем оправдывает отказ от допущения некоей описываемой разумом сущностной реальности, освоение которой приближает общечеловеческое согласие [6]. Вождение частного благополучия отменяет поиск общечеловеческой природы, универсального ядра «праведной человеческой жизни», политического рецепта совершенного, справедливого «всемирного общества» [6].

In autem: к философии можно относиться по-разному – от полного прития (метафизика) до полного неприятия (антиметафизика), но только философия способна решать в учреждении родового согласия – некоего терминального месторазвития, средостения прогрессистских устремле-

ний, на какое, как на тейяровскую точку Омега, проецируются силовые эффективных улучшений, имеется ли звёздный пункт искупления, или на человечестве лежит несводимое проклятие первородного греха, братоубийственного восстания Каина на Авеля, исключаящее успешное действование?

Поставим вопрос ребром: блокирующая оформление интернационального единства человечества тлетворная каинова печать, – ликвидируема ли? Решение, понятно, упирается в складывание соответственного человека. Не *homo fictus*, *homo simplex*; – но *homo universalis*. Западный типаж сапиента – *homo particularis*, *homo sapiens ferus*, *homo consumens* на такую роль никак не подходит. Некомпенсируемая ошибка западной антропо-философской, антропо-политической сценографии мира, – наивная и опасная вера в то, что *homo occidentalis* дано спастись самоисключительно.

И в теистической, и в секулярной редакции социального эволюционизма такая сценография не выдерживает никакой критики.

Заключение

Для простоты экспликации будем исходить из традиционной креатологической версии миропонимания, структурными звеньями которой выступают «творение – грехопадение – искупление». После реформаторских новаций Тейяра и в теологии, и в историологии требуется принимать во внимание две капитальные вещи:

- трёхосновный контур человеческой драмы представляют не события, но процесс;
- человечество – не парциальный, но солидарный субъект, действующий по предписаниям коллективного – тотального – разума.

Отсюда в апологии: известное место из книги пророка Иеремии «Спаси, Господи, народ твой» (Иер. 31:7) правильно толковать с позиций не племенных, но глобалистских (в другом месте Ветхого Завета – в Псалтири – утверждается: «Блаженны все (! – В. И.), уповающие на Господа»

(Пс. 2:12)): спасению подлежит не только народ иудейский, но вся полнота человечества. В любом случае трактовка: спасение «племени западного» за счёт других, не отвечая ни букве, ни духу Святого Писания, должна быть предана анафеме как еретическая узурпация. Охранную грамоту на движение в будущее получают либо все, либо никто.

Отсюда в технологии: искупление от грехопадения – спасение – может быть делом судьбы коллективной, всеохватно преодолевающей эгоизм-нигилизм западной частной субъектности.

Высказанное, реорганизуя риторический и эвристический строй размышлений, обуславливает архитектонику разработки релевантных сюжетных линий. Перемещение на «правильную» сторону философии истории предусматривает:

- 1) современный глобалистский дискурс резонно освободить от иудейских коннотаций «избранности», избавляясь от эстафетности: счастье удачи, посетив народ израилев, снизойдет и на народ западный. Последний не лучше и не хуже других, – «один из», – входит в планетарное сообщество равнодостоинных заслуживающих счастья народов;

- 2) поиски счастливой доли – общее место жизнеисканий (рыба ищет где глубже, человек – где лучше), но не за счёт, не в ущерб другим. «Идейно-практическая» конфронтация с циклической «вызов-ответ» воспроизводит унылый интерьер политического раппорта: всякое нагнетение (пропагандистское, военно-техническое) ассистируется равномошным сдерживанием, заводя в безнадёжные тупики конфронтационной безответственности;

- 3) человечеству не хватает договорной культуры, дефицит которой способна покрыть новая глобальная философия, анонсирующая не соперничество, но перспективное сотрудничество («мир» в семантике «согласие») в качестве магистрали выживания на изнашивающейся планете («мир» в семантике «земной шар»);

- 4) нащупывание рецептов совершенного общечеловеческого миропорядка пред-

усматривает нетривиальное концептуальное маневрирование, взysкyя прорывов в таких отсеках фундаментальной философской теории, как:

– аксиология, обременяемая прояснением: в каких случаях человек, имеющий возможность грешить, перестаёт грешить (аутентичное августовское *posse peccare et non peccare*);

– символия, обременяемая прояснением: в каких случаях человек, утрачивает модус *ens realissimum*: становится вообразительным существом, силой фантазии сотворяет сущее;

– праксиология, обременяемая прояснением: в каких случаях от символов наших возгорается сердце наше, сподвигая на добычу хлебов праведных (Лк. 24: 32–35);

– антропология, обременяемая прояснением: в каких случаях человек уникаль-

ный обнажает стать человека универсального, заявляет в деятельности причастие родовой форме;

– гносеология, обременяемая прояснением: в каких случаях человек практический становится человеком утопическим, подменяет действительное модельным – выходит из реалиса в кондициалис, из фактива в контрфактив, из актуатива в посессив, постигая и достигая чаемое.

Обобщая, от современной философской теории жизнь требует новой антропокоsmодии, предлагающей добротную версию ответственного человека, из обветшавшего утлого жилища стремящегося перебраться в благоустроенный звёздный дом, жить в немерцающем – божьем – свете.

Статья поступила в редакцию 28.07.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков С. Н. На пиру богов. Киев: Летопись, 1918. 96 с.
2. Гвардини Р. Конец Нового времени. Попытка найти своё место / пер. Т. Ю. Бородай // Эон. Альманах старой и новой культуры. Вып. 9. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 235–398.
3. Ильин В. В., Охрименко А. В., Родин П. Н. Мировой Запад: конец *dolce vita* // Российский гуманитарный журнал. 2024. Т. 13. № 3.
4. Проект: «Homo – *characteristica universalis*» vs. Проект «Homo – *characteristica particularis*». Наше мирное – немирное время: в жанре «несказка» / В. В. Ильин, В. В. Охрименко, П. Н. Родин, Т. В. Шафигуллина // Российский гуманитарный журнал. 2024. Т. 13. № 2. С. 63–71.
5. Ницше Ф. Воля к власти / отв. ред. С. М. Стерденко. М.: REFL-book, 1994. 352 с.
6. Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 30–41.
7. Токвиль А. де. Старый порядок и революция / пер. П. Г. Виноградова. М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1911. 308 с.
8. Хабермас Ю. Модерн – незавершённый проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–54.
9. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / пер. М. М. Беляева, К. В. Костина, Е. Л. Петренко, И. В. Розанова, Г. В. Северской. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
10. Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума / пер. А. Юдина. М.: Канон+, Реабилитация, 2011. 224 с.

REFERENCES

1. Bulgakov S. N. *Na piru bogov* [At the Feast of the Gods]. Kiev, Letopis Publ., 1918. 96 p.
2. Gvardini R. The End of the Modern World (Rus. ed.: Borodai T. Yu., transl. *Konec Novogo vremeni. Popytka najti svoje mesto*). In: *Eon. Al'manah staroj i novoj kul'tury. Vyp 9* [Eon. Almanac of Old and New Culture. Iss. 9]. Moscow, INION RAS Publ., 2010, pp. 235–398.
3. Il'in V. V., Ohrimenko A. V., Rodin P. N. [The Global West: the End of *Dolce Vita*]. In: *Rossiiskij gumanitarnyj zhurnal* [Russian Journal of the Humanities], 2024, vol. 13, no. 3.
4. Il'in V. V., Ohrimenko V. V., Rodin P. N., Shafigullina T. V. [Project: “Homo – *Characteristica Universalis*” vs. Project “Homo – *Characteristica Particularis*”]. In: *Rossiiskij gumanitarnyj zhurnal* [Our Peaceful – Unpeaceful Time: in the “Non-Fairytale” Genre], 2024, vol. 13, no. 2, pp. 63–71.
5. Nietzsche F. *Wille zur Macht* (Rus. ed.: Sterdenko S. M., transl. *Volya k vlasti*). Moscow, REFL-book Publ., 1994. 352 p.).

6. Rorti R. [From Religion through Philosophy to Literature: the Path of Western Intellectuals]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2003, no. 3, pp. 30–41.
7. Tocqueville A. de. L'Ancien Régime et la Révolution (Rus. ed.: Vinogradov P. G., transl. *Staryj poryadok i revolyuciya*. Moscow, V. Rihter Publ., 1911. 308 p.).
8. Habermas Yu. Modernity: An Incomplete Project (Rus. ed.: *Modern – nezavershyonnyj proekt*. In: *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 1992, no. 4, pp. 40–54.
9. Habermas Yu. The Philosophical Discourse of Modernity (Rus. ed.: Belyaev M. M., Kostin K. V., Petrenko E. L., Rozanov I. V., Severskaya G. V. *Filosofskij diskurs o moderne*. Moscow, Ves' mir Publ., 2003. 416 p/).
10. Horkheimer M. Eclipse of Reason (Rus. ed.: Yudin A., transl. *Zatmenie razuma. Kkritike instrumental'nogo razuma*. Moscow, Kanon+ Publ., Reabilitaciya Publ., 2011. 224 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ильин Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук Калужского филиала Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (национального исследовательского университета);
e-mail: vvilin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Viktor V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Social Sciences Kaluga Branch Bauman Moscow State Technical University (National Research University);
e-mail: vvilin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ильин В. В. Там, где кончаются звёзды. За рубежом человечности // Современные философские исследования. 2024. № 3. С. 106–114.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-106-114

FOR CITATION

Ilyin V. V. Where the Stars End. Beyond Humanity. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 3, pp. 106–114.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-106-114